

О вымышленном мышлении и миске для двух умов говорит Наташа

В чашку полную откровенности мы кладем наши глаза и перемешиваем их пальцами

Мы скормим их нашим ногам,

может тогда они научатся брести без времени по цветам?

Никогда не утешай того, кто утешен кровью;

бредя по улице ты увидишь знаки — не верь им, никого они еще не спасли

Как вены узкие улочки без знаков и нумерации лучше, но и в них не спрячешься достаточно глубоко

Значит ли это хоть что-то?

Я выпил четыре кружки кофе к полудню, я не собрался

Бесконечная дверь заперта

и в бесконечном кругу Солнца ни знака

Я возвожу кровлю, чтобы укрыться от него в тени знаков,

и стружка падает стальная мне на плечи;

ранящая родная речь

Как Наташин секс накрывал меня ртом сверху

теперь её израненные губы растворяются с болью, раскрываются детьми-трещинками во все стороны

И язык, и секс заперты, но глаза блестят в одиноких открытиях

Мы в комнате, которую я описал ей, она описала мне,

мы говорим так честно, как можем

но разве можно теперь говорить честно на этом языке? на любом языке-кровле

Нам никак не договорить, Наташа

языком-кровлей укрывает губы

Разорван рот у нее, маленьких человечков

она пихает в него

Человечки носят юбки и платья до пола, и короткие платья из-под которых алеют белые трусики,

и военную форму, и подгузники — для деток и для стариков.

Ее медвежьи глаза так любят меня, ткнут оправдание мне,

настолько длинное, насколько можно запомнить,

идущее дырами забытья

Старый спирт сосет воздух наш,

вздымает наши мозги, как коней, седлает, и мы скачем

над цветами и пряжей

и гром среди ясного неба! — и кошки в рассыпную

Но что может быть заменой разрозненного соития? переплести её и мои слова в одном тексте?

Твои, Наташа, слова:

придумай ноту — я лягу

Разве у меня остались слова?

Пробный камень критики и отрицания разбился о куриную слепоту

Ветер холодный. У нас холодает, у тебя подземные зимы, воздух стоит.

Абиссаль моя,

на дне моря гнездо свили глаза

и ни жарко, ни холодно, неотступно.

Но мне холодно

Ты неотступна, днём и ночью, глухая

Как мне тебя отследить, отыскать? вызволить?

Кто б ни пришёл ко мне с твоими глазами, нежными головастиками рта,

будет комнатой, что я опишу тебе,

будет КТО

Снова слова твои: *если у меня вместо соска будет рот, мы встретимся*

Кто придет с твоим ртом и вылепит нас снова

О миске полной дверей говоришь ты, Наташа

О запертом дыхании, зажатом носе, закрытых губах, языке-пъете, запаяном животе

слышу я от каменных стен эхом в моем кружащемся черепе

Взгляни в угольные глаза сумасшедших с рисунков Чекрыгина

Безумец держит свой глаз, как линзу, видит через нее

другой глаз его еще больше и смотрит в другую сторону, полностью черный

Что видит он, распахнув рот?

Весь распахнувшись

Взгляни в линзу его глаза или рта

Осень пришла, принесла глаза его, рот его; осень графита

Божья горячка с его глазами пришла в ладонях

а на запястьях волосы твои, цветные как мальва!

Безумец — это человек

он держит копые в глазу и облака смерти сосет ртом

Видишь, як лижет рану?

Если выпить кофе еще, бодрее не станешь!

Как бодрым быть мне?

Как ноги собрать, как идти, чтоб бодрым быть мне?

В кружащемся черепе лишь узкие стены без окон и для жизни он не годится

для смерти

Я мою дерево на голове, его корни вплетаются в ресницы и я тарашусь

не укрыться от зноя

под с проседью сенью. У ног материнских, да... но где они, ноги?

перед нами стена

комнаты, которую я описал тебе. Ты описала мне.

Первый образ,

видишь — як лижет рану. Откуда рана его? Кто глядит на него?

кто теперь смотрит на нас?

Вымышленное-вымученное, вымоченное в красном и черном

Искусство — то, что ты сделал сам

что ты наделал.

Острым концом времени углубляя кожу

в бесконечной ряби придаточных местоимений

как чешуя ночных твоих губ она

золотится столпами люпинов над тиной

Но видишь ли, это не время ждет часа, а дни стали жестче

Видишь ли, ты не зашнуруешь ботинки, хотя пора и покрепче

Не отменишь время, отложишь на завтра

И не сочтя смертной, смертность застанешь

в густых Конго кобальтовых облаках

выдыхаемых хипстерами-великанами

над испуганными, черными, моими мыслями

твоими словами

Наша подруга, Саша, говорит: “но ничего,

на самом деле, Никита, стихи

производят движение

и они безусловно существуют

даже если не изданы.

Но даже если один человек, то есть автор видит это движение,

повторяет его, возвращаясь мысленно к тексту, это ну нечто не сравнимое почти ни с чем”

я отвечаю ей:

“я хочу вернуться к первому живописному пятну на стене пещеры

и проследить это движение оттуда”

Видишь, як лижет рану?

А кто его так?

Или в Айн-Гхасале встретимся снова, изможденные плоскостью, окосевшие, нас мало;

нас несколько тысяч, нас двое, как мы живем здесь?

Ты не меняешь небо, но разнообразишь душу, сгибаешь хорду

Здесь мы еще только учимся властвовать над львятами,

хотя у нас уже есть те, кто без ног пересекает улицу:

привязывают к кульям деревяшки и используют палочку; сшивают хлебные корки красной ниткой

чтоб молчать

Кресты облепляются красными муравьями

от могилы к венцу

Но из уважения к *был* мумифицируй!

Этому мы тоже научимся

И жарить кофе, конечно!

Но кто поставит светильник над мышиной норой?

Нам девять тысяч лет, о нас никто ничего не знает, мы под залитым светом асфальтом Аммана

Мы слеплены из говна, наги и плоски и хрупки, руки срослись с торсом, ноги раздулись,
откололись затылки — мы движемся

Наташа, мы движемся, все-таки движемся, с немигающим взглядом и еле заметной улыбкой, в изумлении и ужасе от всего

И мы увидим еще как горы, казавшиеся неподвижными, побегут, как собака!

“Слово еврея: ХАМАС на асфальте!” — кричит во дворе мальчишка по-русски
другому мальчишке

Боль — это маска, наденешь ее — весь страх пропадает, теперь ты — кто-то другой
зависший в окаменелости неоткопанного,

хоть падения нашептывают подсказки, осторожно, в пунктуации,
в венцах измотанности

Нас найдут одиночки

а массы погаснут в стыду пред красотой

Наши останки накроет циклоном изнуряюще-холодного сна

и они пропоют разбитые стекла автобуса

(Но у нас нет общих принципов стойких;

в тебе нет *этой* ненависти

во мне — *этой* строгости

куда мы пойдём, не забыв ни о ком из них?)

Мне вообще, дорогая, кажется,

моя жизнь только теперь — ни из какого яблока ее не достать

Скажи лучше мне, почему Вселенную пучит злобой? я говорю не только о человеческом мире:

Феникс восстает из пламени Злобы

Бальзак пишет роман за романом и ни один не нравится даже его семье

ни первый, ни второй, ни десятый, что движет им? — Злость! такая, что гаснет тень!

Конечно, конечно

Предметы глотают нас, наши тела преданы социальным контрактом,
взгляд поворачивается в одну сторону, дыхание — в другую!

У иных — сердце в несколько комнат

а у кого-то подвальчик без окон

Но теперь уже всё чего я хочу это закончить текст и выбросить эту миску для двух умов
чтобы злость не двигала нами как марионетками, как

когда видишь как

гаснет звезда

и теперь дыра там

И ты глотаешь водку в недружелюбной квартире и выходишь на улицу, отрубаясь в такси и таксист
забирает твои глаза и везёт их на другую сторону, не ко мне, бережно
от меня.

И не хватает злости удержать нить между четырьмя жемчужинами зрачков

Я год не видел снега в этой переписи льда и холода

Мы на переправе в морозном тумане непроглядном между твоими большими сиськами, моими
глазами, твоим ртом, членом моим, словами, словами

Образы между нами бьются как жёлтое серное сердце кошачье
слишком долго, слишком внимательно

Я — наша картина, подошедшая к себе и выронившая бокал, узнав, что автор мёртв, я
хочу вернуться к началу, к пятну охры на стене камня

Любовь-то мы пере придумали, но как назвать что получилось?
что ты наделал?

Я никогда не хотела продавать тебя ладонью

То что было в ней сомкнуто от тебя выжженно выкисленно недоверием ожиданием небесконечным
Собравшись из судорог единство скулит
вернись в начало и посмотри, что будет!

что ты наделал.

Белая малярка на пирсе ожидает хрупкий груз утра, и тебе кажется — это новая женщина

Этим утром море, у которого тебя выбросило на этот раз — белые розы

И глубоки зелёные шипы безречья, такого
что и во сне не накроет, ни по какой накурке

Но как раз там и ищи свое пятно, Андеграунд

и мечтай о любви;
видишь, кто лижет рану?
видишь?
что у тебя в руках